

КАРАНТИН

Здесь каждый мечтает тебя сдать

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

Карантин

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Карантин / С. В. Галактионов — «Автор», 2026

Илья — обычный разработчик из Москвы. Кнопки на сайтах, дедлайны, кофе из автомата. Жизнь как жизнь. Пока однажды утром он не проснулся в теле шестнадцатилетнего подмастерья кожевника в мире, где попаданцев ловят, пытаются и выжимают из них знания о технологиях. Проблема: Илья соответствует всем двенадцати признакам «Демона Знаний» из обязательного памфлета, который висит в каждом доме. Награда за его голову — полторы тысячи талеров, годовой доход ремесленника. И каждый сосед, каждый торговец, каждая булочница мечтает эти деньги получить. Вторая проблема: он фронтенд-разработчик. Он не знает, как работает двигатель. Не умеет делать порох. Не может собрать лампочку. Единственное, что он умеет — находить баги в системах и делать красивые кнопки. Но иногда, чтобы сломать империю, достаточно одной правильной кнопки.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Алиса, включи свет»	6
Глава 2. «Свет вам, и да пребудет тень»	10
Глава 3. «Корень гниёт, но дух его крепок»	14
Глава 4. «Орден сломанных шестерёнок»	17
Глава 5. «Инспектор»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Галактионов

Карантин

*«Самый опасный человек — не тот, кто знает, как устроен мир.
А тот, кто знает, как работают люди.»*
— Доминик Шварц, инспектор Карантинной службы

Глава 1. «Алиса, включи свет»

Первая мысль была — похмелье.

Такое бывало раза два в жизни, и оба раза Илья клялся, что больше никогда. Тело ломило, во рту стоял привкус чего-то кислого, а в голове пульсировала тупая боль, словно кто-то методично бил молотком по виску изнутри.

— Алиса, включи свет, — пробормотал он, не открывая глаз.

Тишина. Ни мягкого «бам», ни голубоватого свечения умной колонки.

— Алиса!

Ничего. Илья поморщился и потянулся рукой к тумбочке — нащупать телефон, посмотреть время, проверить, не проспал ли стендап. Рука нашарила что-то деревянное, шершавое, занозистое. Это была не тумбочка ИКЕА с закруглёнными краями. Это был грубо сколоченный табурет, на котором стояла глиняная кружка с чем-то, что пахло прокисшим пивом.

Илья открыл глаза.

Потолок был низкий, тёмный, из неструганых досок. Между досками виднелась солома. Окно — одно, маленькое, без стекла, затянутое бычьим пузырьём, сквозь который сочился мутный утренний свет. Стены — камень, покрытый чем-то, что могло быть штукатуркой, а могло быть плесенью. Кровать — деревянная рама, набитая сеном, которое кололо сквозь тонкую дерюгу.

Илья сел. Посмотрел на свои руки. Руки были не его. Меньше. Тоньше. Мозолистые, с обломанными ногтями, с въевшейся в кожу чёрной грязью, которую не отмоешь никаким мылом. Он провёл ладонью по лицу — ни щетины. Гладкая кожа, какая бывает в шестнадцать лет. Он потянулся к карману — рефлекс, вбитый годами, достать телефон, проверить уведомления, — но вместо кармана джинсов пальцы нашли грубую холщовую ткань. Штаны на завязках. Без карманов.

— Нет, — сказал Илья вслух.

Голос тоже был не его. Выше. Тоньше. Ломающийся.

— Нет, нет, нет.

Он встал. Босые ноги коснулись ледяного каменного пола. Комната — клетушка три на четыре шага. Табурет. Кружка. Ведро в углу, назначение которого Илья понял не сразу, а когда понял — судорожно сглотнул. На стене — вбитый гвоздь, на гвозде — что-то вроде фартука из толстой кожи. Пахло так, словно в этой комнате умерло и не было похоронено небольшое стадо.

Под подушкой — мятый лист желтоватой бумаги. Илья вытащил его, развернул, поднёс к окну.

Текст был напечатан — не на принтере, а на чём-то вроде примитивного печатного станка, буквы прыгали и плясали. Но шрифт был крупный, читабельный, и каждое слово вбивало в Илью очередной гвоздь паники:

> УКАЗ КАНЦЛЕРА ОБЪЕДИНЁННЫХ ЗЕМЕЛЬ

>

> ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ДЛЯ КАЖДОГО ПОДДАННОГО

>

> КАК РАСПОЗНАТЬ ДЕМОНА ЗНАНИЙ

>

> Демон Знаний (также: пришелец, гость, подменыш) — опасное существо, принимающее облик обычного человека. Его цель — отравить наш мир запретными знаниями и разрушить установленный порядок.

>

> 12 признаков Демона Знаний:

- >
- > 1. Странная, неуместная речь. Использование слов, не существующих ни в одном известном наречии.
- >
- > 2. Незнание базовых обычаев: приветствий, праздников, календаря.
- >
- > 3. Упоминание ложных божеств (так называемых «брендов»).
- >
- > 4. Удивление обыденным вещам: огню, лошадям, ручному труду.
- >
- > 5. Неумение обращаться с простейшими инструментами.
- >
- > 6. Попытки «улучшить» работающие механизмы без просьбы.
- >
- > 7. Фантомные жесты: прикосновения к несуществующим предметам на теле или в карманах.
- >
- > 8. Избыточная чистоплотность или брезгливость.
- >
- > 9. Неспособность разжечь огонь, оседлать лошадь, заколоть курицу.
- >
- > 10. Снисходительное отношение к технологиям Ордена Механиков.
- >
- > 11. Знание фактов, которые не мог знать простой человек.
- >
- > 12. Необъяснимая тоска и растерянность в первые дни появления.

> НАГРАДА ЗА ПОДТВЕРЖДЁННОГО ДЕМОНА ЗНАНИЙ: 1500 ТАЛЕРОВ

>

> Доносите в ближайшее отделение Карантинной службы.

Илья дочитал и медленно опустил лист. Руки тряслись.

Двенадцать из двенадцати. Полное совпадение.

Стук в дверь — громкий, грубый, нетерпеливый.

— Эй! Ты там сдох, что ли?!

Голос был хриплый, как наждак по железу. Дверь затряслась.

— Встал и пошёл работать, дармоед! Кожи сами себя не вымездят!

Илья спрятал памфлет обратно под подушку, натянул кожаный фартук поверх рубахи (рубаха была из чего-то, что кололо хуже сена) и открыл дверь.

На пороге стоял старик. Широкий, как шкаф, с красным обветренным лицом, бородой цвета грязного снега и маленькими, утонувшими в морщинах глазами. Он был одет в такой же кожаный фартук, только промасленный до черноты, и от него пахло так, словно он ночевал в выгребной яме. Левое ухо старика было заткнуто комком шерсти — то ли от холода, то ли потому что плохо слышал.

— Гаврил? — осторожно сказал Илья, надеясь, что имя хозяина, которое он видел на вывеске мастерской из окна, было именно его.

— Нет, Канцлер Объединённых Земель! — рявкнул старик. — Конечно, Гаврил! Ты что, мозги пропил? Шевелись!

Гаврил развернулся и потопал по узкому коридору. Илья пошёл за ним, стараясь не дышать.

Мастерская располагалась на первом этаже — длинное, низкое помещение с каменным полом, заваленное инструментами, которых Илья не знал, кожами, которых Илья боялся, и чанами с жидкостями, от запаха которых у Ильи слезились глаза.

Гаврил сунул ему в руки скребок — тяжёлый, с изогнутым лезвием — и ткнул пальцем в растянутую на раме шкуру.

— Мездри. И не вздумай опять с мясной стороны скрести, как в прошлый раз.

Илья посмотрел на шкуру. На скребок. На шкуру.

Он понятия не имел, где у шкуры мясная сторона.

Он начал скрести наугад. Через тридцать секунд Гаврил заорал так, что задрожали стены:

— ДА НЕ ОТТУДА! ТЫ ЧТО, ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА СВЕТЕ?!

Технически — да. Именно первый.

К полудню Илья испортил две шкуры, порезал палец, опрокинул чан с зольным щёлоком (едкая жидкость разъела ему сапоги, которых у него и так была одна пара), и чуть не отравился, понюхав содержимое второго чана, который оказался мочевым раствором для дубления.

Гаврил орал непрерывно, но, к счастью, левым ухом почти ничего не слышал. Это значило, что если стоять от него слева и бормотать тихо, старик не разберёт слов. Илья использовал это трижды за утро — когда случайно сказал «блин» (такого ругательства здесь не знали), когда спросил «а где тут туалет?» (слово «туалет» вызвало бы вопросы, если бы Гаврил слышал), и когда рефлекторно потянулся к карману за телефоном и пробормотал «чёрт, опять забыл зарядить».

После обеда — если месиво из разваренной репы и куска жилистого мяса можно было назвать обедом — Гаврил отправил его за водой. Илья впервые вышел на улицу один.

Нов-Велес открылся перед ним, как декорация к фильму, который никто не захотел бы смотреть.

Узкие улочки, мощённые неровным камнем. Деревянные дома в два-три этажа, с нависающими верхними этажами, так что улица наверху была уже, чем внизу. Вывески — ржавые жестянки с корявыми буквами и картинками для неграмотных: сапог (сапожник), кренделёк (пекарня), молот (кузница). Запах — навоз, дым, жареный лук и что-то сладковато-гнилостное, о происхождении которого Илья решил не думать. Люди — серые, торопливые, в грубой одежде, с лицами, которые выражали одну из двух эмоций: усталость или подозрительность.

Но были и чужеродные вкрапления.

Вдоль стен домов тянулись трубы — медные, зелёные от патины, кривые, с заклёпками и подтёками припоя. Городская пневмопочта. Время от времени трубы вздрагивали, внутри что-то свистело, и из приёмного раструба на стене почтовой конторы вываливался помятый цилиндр с запиской. Система работала, но с перебоями: пока Илья стоял и смотрел, из трубы вместо цилиндра вылетел клуб сажи и чей-то башмак.

На перекрёстке стояла паровая повозка — громоздкая конструкция из железа, дерева и отчаяния, похожая на помесь телеги и локомотива. Капот был открыт, и трое мастеровых ковырялись в нутре, переругиваясь. Из трубы шёл жидкий пар.

— Давление опять падает!

— Так прокладка же! Я говорил — не суй туда кожу, ставь медь!

— Где я тебе медь возьму?! Ты знаешь, сколько медь стоит?!

Илья остановился. Ему отчаянно хотелось подойти и сказать: ребята, проблема не в прокладке, проблема в том, что ваш котёл слишком маленький для такого объёма цилиндров, нужно пересчитать соотношение...

Стоп. Он даже не инженер. Он фронтенд-разработчик. Откуда он знает про соотношение котла и цилиндров? Он не знает. Он просто знает, что знает слишком мало, чтобы знать, но слишком много, чтобы молчать. Классическая проблема человека, который всю жизнь читал «Пикабу» и смотрел научпоп на «Ютубе».

Он отвернулся от повозки и пошёл дальше. И тут увидел его.

На центральной площади, между фонтаном (неработающим, с мутной зелёной водой) и ратушей (серое каменное здание с часами, которые показывали одновременно три разных времени), стоял агрегат.

Металлический ящик. Примерно метр в высоту. С рычагами по бокам. С прорезью в верхней части. И с чем-то, что безошибочно, невозможно, абсурдно напоминало кнопку выдачи.

Кофейный автомат.

Нет. Не кофейный автомат. Что-то, что выглядело как кофейный автомат в кошмарном сне инженера. Но силуэт, пропорции, расположение элементов — всё кричало: это ловушка для тебя.

Рука потянулась к прорези.

Илья заметил движение краем глаза. На лавке напротив, в тени навеса, сидел человек в тёмном плаще с капюшоном. Он не смотрел на Илью прямо — смотрел вскользь, лениво, как человек, который наблюдает за прохожими от скуки. Но на колене у него лежал открытый блокнот, и в руке был зажат карандаш.

Наблюдатель. Ловушка-приманка.

Рука замерла в воздухе.

Илья увидел, как к агрегату подходят местные: бросают в прорезь мелкую монетку, кланяются, бормочут что-то вроде молитвы и уходят. Это был не автомат. Это был «Алтарь Бога Утренней Бодрости» — так гласила табличка на постаменте. Местный культ, выросший вокруг непонятной штуковины.

Илья медленно опустил руку. Поклонился агрегату. Пробормотал: «Свет тебе, и да пребудет... бодрость». Наблюдатель не шевельнулся.

Илья ушёл с площади на негнувшихся ногах. Пот стекал по спине.

Этот город — минное поле. Каждый жест, каждое слово, каждый рефлекс может его убить.

И он один.

Глава 2. «Свет вам, и да пребудет тень»

Три дня Илья выживал методом, который в его прошлой жизни назывался «заткнись и наблюдай». В корпоративном мире это был навык, необходимый новому сотруднику, чтобы не сболтнуть лишнего на первом совещании. Здесь этот навык спасал жизнь.

Он слушал. Запоминал. Повторял.

Приветствие: «Свет вам, и да пребудет тень». Не «здравствуйте», не «добрый день», не «привет» — «Свет вам, и да пребудет тень». Полная форма. Сокращённая — «Свет вам» — допустима между знакомыми. Ответ: «И вам свет, и тень вашему дому». Илья повторял эту формулу про себя раз двести, пока она не впечаталась в мозг.

Валюта: талеры. Медные — мелочь, серебряные — основная, золотые — редкость. Один серебряный талер — примерно дневной заработок подмастерья. Буханка хлеба — три медных. Кружка пива — пять медных. Женщина на ночь — Илья не спрашивал, но по обрывкам разговоров подмастерий из соседней мастерской — от двадцати медных до серебряного, в зависимости от квартала.

Календарь: здесь не было месяцев в привычном смысле. Год делился на восемь «Циклов», каждый из которых назывался по имени одного из Восьми Светочей — полубожественных фигур местной религии. Сейчас шёл Цикл Благого Мрака, четвёртый день третьей десятицы. Илья записал это углём на стене за кроватью и зубрил каждое утро.

На четвёртый день случилась первая серьёзная ошибка.

В мастерскую пришёл клиент — толстый купец в дорогом кафтане с меховой оторочкой. Гаврил ушёл в подвал за готовым заказом, и Илья остался за прилавком один. Купец посмотрел на него оценивающе.

— Ну? — сказал купец.

— Добрый день! — сказал Илья.

Мгновение тишины. Купец прищурился.

— Что ты сказал?

Кровь отхлынула от лица. «Добрый день». Не «Свет вам». Самая базовая ошибка. Четвёртая строка памфлета: «Странная, неуместная речь».

— Я... — Илья судорожно искал выход. — У нас на юге так говорят. В Жёлтых провинциях.

— Ты из Жёлтых провинций?

— Да, — сказал Илья, потому что понятия не имел, что это за место и существует ли оно вообще.

— А-а, — протянул купец, и его лицо разгладилось. — Южане. Станный народ. Мой шурин из Жёлтых, так тот вообще ест с ножа и кланяется луне.

Гаврил вернулся с заказом, купец расплатился и ушёл. Илья простоял за прилавком ещё минуту, сжимая край столешницы побелевшими пальцами. Южанин. Он теперь южанин из Жёлтых провинций. Нужно выяснить, где это, как там говорят и что едят. Желательно до того, как кто-нибудь задаст уточняющий вопрос.

После обеда он отправился на рынок — Гаврил послал за дубильным корьём — и здесь его ждала вторая проблема.

Булочная лавка стояла на углу рыночной площади: приземистая, с вывеской в виде кренделя и с запахом свежего хлеба, от которого у Ильи скрутило желудок (репа и жилистое мясо — не самый сытный рацион). За прилавком стояла женщина лет пятидесяти, широкая, как дверной проём, с мощными руками и лицом, в котором радушие было лишь тонкой оболочкой, под которой шевелилось что-то цепкое и внимательное.

— Свет вам, — сказал Илья. — Хлеб... ковригу, пожалуйста.

— Свет и вам, и тень вашему дому, — ответила женщина, выкладывая хлеб. — Три медных.

Илья полез в кошель. Достал монеты. Пересчитал. Положил на прилавок.

— Рубль сдачи не надо, — сказал он.

И замер.

Булочница замерла тоже. Её глаза — маленькие, острые, как буравчики — впились в его лицо.

— Рубль? — повторила она медленно.

— Рубль — это... у нас на юге так говорят, — выпалил Илья, хватая хлеб. — Значит «спасибо». Рубль вам. Большой рубль. Спасибо, то есть.

— У нас «благо вам» говорят, — сказала булочница, не сводя с него глаз. — Или «да крепнет ваш корень». Но не «рубль». Странное слово.

— Южный диалект, — бросил Илья, уже отступая к двери. — Свет вам.

Он вышел на улицу и почти побежал. За спиной он чувствовал взгляд булочницы, как лазерный прицел между лопаток.

Вечером Гаврил, разжёвывая хлеб беззубым ртом, обронил между делом:

— Видел тебя у Агаты сегодня.

— У кого?

— У булочницы. Агата. — Гаврил отпил из кружки. — Ты с ней поосторожнее.

— А что с ней?

— Она стучит. На всех. Три года назад собственного зятя сдала Карантинным. Сказала — Демон Знаний. Оказался не демон, просто дурак. Но Агата всё равно получила поощрительную премию за бдительность. Двадцать талеров. С тех пор стучит на каждого, кто чихнёт не по уставу. Зять, кстати, до сих пор в тюрьме.

— За что? Он же не демон?

— За нарушение общественного порядка. Ругался, когда его забирали. — Гаврил пожал плечами. — Карантинным без разницы. Была бы голова, а статья найдётся.

Илья лежал на своей сенной подстилке и смотрел в потолок. Агата. Булочница. «Рубль». Она запомнила. Он это видел по её глазам — она не просто запомнила, она уже обдумывала, классифицировала, прикидывала, стоит ли донос полутора тысяч талеров.

Он провалился в сон, полный кошмаров, где булочница гналась за ним по бесконечной рыночной площади, размахивая памфлетом и крича: «Рубль! Он сказал рубль!»

На следующий день, пятый в этом мире, Илья впервые увидел Маргариту.

Это было на том же рынке. Илья покупал корьё для дубления — уже научился произносить это слово без запинки — когда услышал позади себя быстрый, звонкий голос:

— Свет вам, мастер! Какой сегодня день Цикла, не подскажете?

Илья обернулся. Перед торговцем кожами стояла девушка — тонкая, невысокая, с короткими рыжими волосами, торчащими во все стороны, как будто она только что сунула голову в стог сена. На ней была мужская рубаха, подпоясанная кожаным ремнём, штаны — тоже мужские — и тяжёлые сапоги, которые были ей велики на два размера. На поясе болталась чернильница и свёрнутый в трубку блокнот.

Торговец посмотрел на неё с раздражением.

— Четвёртый день третьей десятицы Благого Мрака. Как и вчера был третий. Ты каждый день спрашиваешь, Рита.

— Проверяю, — сказала Рита серьёзно. — Демон Знаний не знает местного календаря. Это второй признак.

— Я не демон, — буркнул торговец. — Я тут тридцать лет торгую.

— Именно это и сказал бы хороший демон, — Рита сделала пометку в блокноте и двинулась дальше.

Она шла по рынку, как инспектор по цеху: останавливалась у каждого второго прилавка, задавала вопросы — «Кто ваш родовой покровитель?», «Как звали первого Канцлера?», «Знаете ли вы, что такое пластик?» — и внимательно следила за реакцией. Большинство торговцев отмахивались или ругались. Некоторые отвечали терпеливо, привыкнув. Один старик погрозил ей палкой.

Рита заметила Илью. Повернула к нему. Её глаза — светло-зелёные, слишком большие для маленького лица — уставились на него с хищным интересом.

— Свет вам. Вы новенький в квартале?

— Свет вам, и да пребудет тень, — ответил Илья, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я подмастерье Гаврила. Из Жёлтых провинций.

— Из Жёлтых? — Рита наклонила голову. — Далеко. Давно здесь?

— С весны.

— Какой сегодня день Цикла?

Слава зубрёжке углём на стене.

— Четвёртый день третьей десятицы Благого Мрака.

— Верно. А кто ваш родовой покровитель?

Илья не знал. Он понятия не имел, что такое «родовой покровитель» и как его определяют. Зубрёжка закончилась.

— А вы что же, — сказал он, — дознаватель Карантинной службы?

Рита расплылась в улыбке. Не доброй — гордой.

— Нет. Но за полтора года я лично помогла поймать троих Демонов Знаний. Один прятался в мясной лавке на Нижней улице. Представляете? Мясник, который не мог зарезать курицу! Девятый признак, очевидный, как день. Второй работал писцом — но путал старое письмо с новым. А третий...

Она рассказывала с таким азартом, с таким жаром, что Илье стало физически холодно. Эта девочка — семнадцать лет, рыжие вихры, сапоги не по размеру — отправила троих людей в место, откуда не возвращаются. И гордилась этим.

— Получила за них в сумме четыре тысячи двести талеров, — закончила Рита. — На новый дом хватит, когда ещё одного поймаю.

Решение пришло мгновенно — как подсказка в интерфейсе. Лучший способ не вызвать подозрений у охотника — притвориться охотником.

— Троих? — Илья изобразил восхищение, и ему даже не пришлось сильно стараться — он действительно был впечатлён. Впечатлён и в ужасе. — Это серьёзно. Я сам давно хотел... присматриваюсь. У нас в Жёлтых провинциях тоже ловили, но там народу мало, демоны редко появляются.

Рита оживилась ещё больше.

— Правда? Вы тоже охотитесь? Подскажите — на что вы обращаете внимание?

— Ну... — Илья мысленно пролистал памфлет, — фантомные жесты. Седьмой признак. Когда человек тянется к чему-то, чего на нём нет.

— Да! — Рита хлопнула себя по колену. — Именно! Мясник всё время щупал правый карман, хотя у него не было карманов. Как будто искал что-то маленькое, плоское, что держат в руке и на что смотрят.

Телефон. Мясник искал телефон.

— Я запомню, — сказал Илья. — Если замечу что-то, сообщу. Свет вам.

— Свет и вам! — Рита помахала рукой и умчалась к следующей жертве.

Илья смотрел ей вслед. Руки, которые за последние пять дней ни разу не потянулись к правому карману — потому что он контролировал каждое движение, каждый жест, каждый рефлекс, — теперь тряслись мелкой дрожью.

Он знал, что Рита будет за ним следить. Не потому что подозревает — потому что следит за всеми. И рано или поздно он ошибётся.

Рубль. Добрый день. Фантомный жест. Каждая ошибка — монетка в копилку. Когда копилка наполнится — полторы тысячи талеров и Цитадель Извлечения.

Вечером, лёжа на сенной подстилке, Илья принял решение. Наблюдать недостаточно. Подражать недостаточно. Ему нужна легенда — настолько безумная, настолько непробиваемая, что ни один охотник не заподозрит в нём человека из мира, где делают красивые кнопки на сайтах.

Ему нужен Гнилой Корень.

Глава 3. «Корень гниёт, но дух его крепок»

О культе Гнилого Корня Илья узнал случайно — подслушал разговор двух стражников у колодца.

— ...а этот Варфоломей опять ходил по Гончарной улице и плевал на мостовую. Говорит — удобряю камень, чтобы пророс Великий Корень.

— Совсем тронутый. А сектанты его?

— Человек тридцать. Все юродивые. Мельник Хромой, вдова Нечаиха, пьяница Грышка... Безобидные. Инспектор на них рукой махнул — мол, не стоят бумаги на арест.

Безобидные. Не стоят бумаги. Именно то, что нужно.

Илья выяснил адрес. Секта ютилась на окраине, за скотобойней, в полуразрушенном доме, который когда-то был амбаром. Во дворе торчал огромный, почерневший от времени пенёк — объект поклонения. Вокруг пня были разложены подношения: гнилые яблоки, прелые листья, мёртвый жук.

На пне сидел сам Отец Плесени.

В миру — Варфоломей, бывший столяр. Пять лет назад его мастерская сгорела, жена ушла, дети отвернулись, и Варфоломей нашёл утешение в единственном, что осталось — в пне от старого дуба во дворе сгоревшего дома. Пень стал символом, символ — верой, вера — культом.

Варфоломей был грузен, благообразен и абсолютно безумен. Борода до пояса, в бороде — крошки, листья и что-то зелёное, что вполне могло быть мхом. Глаза — светлые, водянистые, с тем особым блеском, который бывает у людей, давно потерявших связь с реальностью и не скупающих по ней.

— Сын мой! — воскликнул Варфоломей, увидев Илью. — Ты пришёл к Корню!

— Я пришёл к Корню, — подтвердил Илья, стараясь вложить в голос максимум благоговения. — Я слышал о вашем учении и... оно поразило меня. В самое сердце.

Это было враньё, но Варфоломей расцвёл. Оказалось, что новые adeпты были редкостью — последний пришёл полтора года назад и сбежал через неделю, когда узнал про ритуал посвящения.

— Ритуал? — осторожно спросил Илья.

— Яма! — торжественно объявил Варфоломей. — Три часа в Яме Перерождения!

Яма Перерождения находилась за пнём. Это была самая обычная яма глубиной по грудь, заполненная прелыми листьями, гнилыми овощами и чем-то, что подозрительно напоминало компост. От ямы шёл запах, при котором мастерская Гаврила показалась бы парфюмерной лавкой.

Илья посмотрел в яму. Яма посмотрела в Илью.

— Три часа? — переспросил он.

— Три часа. Повторяя мантру: «Гниение есть обновление, распад есть рост, тлен есть жизнь, и Корень примет всех».

Илья залез в яму.

Три часа он сидел по грудь в гниющей биомассе, повторяя мантру, задыхаясь от вони и борясь с рвотными позывами. Варфоломей стоял над ним с блаженной улыбкой. Двое других adeптов — Хромой Мельник, который действительно хромал, и вдова Нечаиха, скрюченная старушка с клюкой — подбрасывали в яму свежие листья и пели гимн, состоящий из одного слова «гни-и-и-ёт», растянутого до бесконечности.

Когда Илья вылез, он был официальным adeптом Гнилого Корня. Он также был покрыт слизью, вонял на три квартала и дал себе ещё одну клятву, что никогда — на этот раз точно никогда — не будет делать ничего подобного.

Но маскировка работала.

На следующий день к нему подошёл сосед-бондарь, который обычно был приветлив, и спросил:

— Слышь, Илья, а правда, что ты в секту эту... в Гнилой Корень?

— Корень гниёт, но дух его крепок! — провозгласил Илья, вскидывая руки. — Тлен есть обновление! Ты тоже чувствуешь зов Корня, брат?

— Нет-нет-нет, — бондарь попятился. — Свет тебе. Удачи с... с корнем.

Илья улыбнулся. Бондарь ушёл. Работает.

Он начал применять маскировку системно. Когда кто-то упоминал «паровой двигатель» — падал на колени и причитал: «Пар — дыхание порчи! Лишь благословенная гниль даёт истинное тепло!» Когда на рынке торговец демонстрировал механические часы — зажимался и начинал бормотать мантру. Когда Ефим, молодой стражник, патрулирующий квартал, подошёл к нему с «хитрым» вопросом:

— А скажи-ка, друг, знаешь ли ты, что такое... — Ефим вытащил бумажку со шпаргалкой, прочитал по слогам, — ...э-лек-три-чес-тво?

Илья закатил глаза, затрясся и начал выкрикивать:

— Изыди! Слово из чёрной книги! Порча! Скверна! Корень гниёт, но дух его крепок!

Ефим отступил на три шага. Ефиму было двадцать лет, он был добродушен, простоват и мечтал поймать Демона Знаний, чтобы на награду жениться на Ханне, дочке кузнеца с Верхней улицы. Ханна была рыжая, полногрудая и равнодушная к Ефиму, потому что Ефим был беден. Полторы тысячи талеров решили бы проблему. Но этот парень из мастерской Гаврила — явно не демон. Просто сумасшедший сектант.

— Свет тебе, — пробормотал Ефим и ушёл, почёсывая затылок.

Маскировка, однако, создавала побочные эффекты.

Варфоломей, обрадованный энтузиазмом нового адепта, начал приглашать Илью на все собрания — два раза в неделю, у пня, при свечах. Илья вынужден был ходить, чтобы поддерживать легенду. Собрания состояли из часовых чтений «Книги Гнилого Корня» (рукописный труд Варфоломея, написанный на обрывках упаковочной бумаги нечитаемым почерком), коллективного пения гимна и подношений пню.

Кроме того, теперь к нему стали подходить другие городские юродивые — словно маяк включился. Пьяница Грышка приходил к мастерской каждое утро и требовал «благословения Корня» (то есть стакан пива). Старуха Нечаиха приносила мёртвых жуков в качестве «священных даров» и складывала их на пороге. Хромой Мельник однажды привёл козу, заявив, что коза «слышит голос Корня» и должна жить при мастерской.

Гаврил был в ярости.

— Ты что, совсем тронулся?! — орал он, выгоняя козу из мастерской. — Сначала кожи портишь, потом бельё красишь, теперь — секта?!

— Гниение есть обновление, мастер Гаврил.

— Я тебе покажу обновление! Ещё одна коза — и обновлю тебе задницу кожемялкой!

Но при всей абсурдности ситуации маскировка работала. Рита, которая продолжала свои рейды по рынку, проходила мимо Ильи с выражением брезгливого разочарования. Сектант. Чудак. Не стоит внимания. Булочница Агата, которая всё ещё помнила слово «рубль», видела, как Илья падает на колени и молится водосточной трубе, и её подозрения гасли: какой демон из развитого мира стал бы молиться водосточной трубе? Наблюдатель в тёмном плаще на площади вычеркнул Илью из блокнота.

Единственная проблема — Илья не мог быть сектантом двадцать четыре часа в сутки. По вечерам, за закрытой дверью своей клетушки, он учился.

Зубрил историю — то, что удавалось выудить из обрывков разговоров, из надписей на памятниках, из газетного листка, который выходил раз в неделю и который Илья покупал за

медную монету, прикидываясь, что берёт для Гаврила. Великий Прорыв — двести лет назад, массовое появление попаданцев. Войны Прогресса — попытка попаданцев перестроить мир. Канцлер Рошфор Первый — подавил Войны Прогресса, установил Карантин. С тех пор — охота.

Он учился разжигать огонь кресалом — потратил два вечера, сбил пальцы в кровь, но научился. Научился мездрить кожу (с правильной стороны). Научился варить похлёбку, не сжигая горшок. Научился кланяться правильно — полный поклон перед дворянином, полупоклон перед купцом, кивок перед равным.

Каждый вечер он вычёркивал из памфлета пункты, которые перестали быть для него опасными:

- Пункт 2, «незнание базовых обычаев» — выучил. Зачёркнуто.
- Пункт 5, «неумение обращаться с инструментами» — научился. Зачёркнуто.
- Пункт 9, «неспособность разжечь огонь» — освоил. Зачёркнуто.

Оставались: пункт 7 (фантомные жесты — он всё ещё иногда тянулся к карману), пункт 11 (знание фактов, которые не должен знать), и самый опасный — пункт 12. «Необъяснимая тоска и растерянность».

Потому что по ночам, когда маска сектанта сползала, а маска подмастерья ещё не надевалась, Илья лежал на сене и смотрел в потолок, и думал о Москве. О своей квартире на Бауманской, с мягким диваном и двумя мониторами. О кофе из автомата на первом этаже. О маме, которая звонила каждое воскресенье и спрашивала, нашёл ли он девушку. О стендапах, дедайнах, пулл-реквестах, всей этой бессмысленной, прекрасной, невозможно далёкой суете.

И тоска была такой плотной, что её, наверное, можно было мездрить скребком.

Глава 4. «Орден сломанных шестерёнок»

На десятый день Илья совершил ошибку, которая едва не стоила ему жизни. Вернее, он совершил правильное действие — но в неправильном месте.

Гаврил послал его в Механический квартал — отнести заказ для Ордена Механиков. Три кожаных ремня для приводных механизмов, выделанных по особому рецепту (прочные, гибкие, устойчивые к маслу). Заказ был дорогой и важный, и Гаврил предупредил:

— Отдашь мастеру Кронину лично. Не помощникам. Лично. И не глазами там. Они не любят, когда глазают.

Механический квартал был отделён от остального города невидимой, но ощутимой границей. Воздух здесь был другим — гуще, с привкусом металла и машинного масла. Стены домов были покрыты копотью. Вместо вывесок — чертежи, нарисованные мелом прямо на камне. Вместо лавок — мастерские с открытыми воротами, за которыми лязгало, свистело и иногда взрывалось.

Штаб-квартира Ордена Механиков занимала бывший оружейный склад — длинное здание с высоченным потолком, через который были перекинута балки, увешанные цепями, блоками и чем-то, что напоминало скелет птеродактиля из шестерёнок.

Илья вошёл и остановился.

Он думал, что готов ко всему. Он ошибался.

Посреди зала, на каменном постаменте, стоял «самолёт». Точнее — то, что Орден Механиков считал самолётом на основании допроса попутанца, который когда-то летал «Победой» и мог описать самолёт только как «ну, такая длинная штука из железа с крыльями, и сзади — огонь, ну, типа, двигатели, они дуют, и оно летит». Результат: гигантская железная труба длиной метров десять, с приклёпанными по бокам плоскими листами жести (крылья), с четырьмя огромными вентиляторами на корме и с угольной топкой внутри. Штука весила, на глаз, тонн пять. Летать она не могла. При попытке запуска вентиляторы создавали такой ветер, что сносило крыши соседних домов, а из топки валил дым, который накрывал квартал на полдня.

Рядом с «самолётом» стояла «электрическая лампа» — конструкция размером с пивную бочку. Внутри, между двумя угольными стержнями, должен был возникать электрический разряд. Принцип действия был понят из допроса попутанца-электрика (тот объяснил дуговую лампу, потому что лампу накаливания объяснить не смог — «ну, там вольфрам, тонкая проволока, в вакууме, я не знаю, как делают вакуум»). Лампа работала — секунд тридцать. Потом угольные стержни сгорали, и лампа гасла. Если не погасла — плавил стол, на котором стояла.

В углу стоял «автомобиль» — паровая телега на четырёх деревянных колёсах с железными ободьями. Котёл размером с бочку, труба, из которой капала чёрная жижа, рычаг управления, который заедал каждые три метра. Максимальная скорость — чуть быстрее пешехода. При попытке разогнаться — взрыв котла. На борту была нарисована эмблема Ордена (шестерёнка, из которой растёт дерево) и надпись: «Модель VII». Значит, шесть предыдущих моделей уже взорвались.

И был «телеграф». Сеть пневматических труб, которая должна была доставлять сообщения через весь город за секунды. В теории. На практике трубы забивались сажей, капсулы застревали на поворотах, а сообщения приходили в среднем через два дня — голубь был быстрее. Но Орден не сдавался: на стене висела огромная схема «Телеграфа версии 2.0», в которой трубы были ещё длиннее и ещё извилистее.

Илья стоял и смотрел. И чувствовал странную, почти болезненную смесь восхищения и жалости. Эти люди пытались воссоздать технологии, имея только обрывки, огрызки, ошмётки знаний. Как если бы кто-то пытался собрать iPhone, имея только описание: «маленькая плоская коробочка, на ней картинки, и можно говорить с людьми далеко».

— Тебе чего?

Голос был резкий, нервный, с металлическим привкусом — как будто говорил человек, привыкший перекидывать лязг молотов.

Мастер Кронин стоял перед ним. Сухой, как жердь, с узким лицом и ожогами на обеих руках — не боевыми, а рабочими, от горячего металла и пара. Глаза — тёмные, глубоко посаженные, с маниакальным блеском, который бывает у людей, одержимых одной идеей. Ему было около пятидесяти, но выглядел он на все семьдесят — Орден Механиков старил своих адептов быстрее, чем война.

— Кожанные ремни, — сказал Илья, протягивая свёрток. — Заказ мастера Гаврила.

Кронин выхватил свёрток, размотал, пощупал кожу, попробовал на разрыв.

— Сойдёт, — буркнул он. — Скажи Гаврилу, следующую партию — потолще. Эти порвутся через месяц.

— Скажу.

Илья хотел уйти. Нужно было уйти. Гаврил сказал — не глазами. Но ноги не двигались. Он смотрел на «самолёт», на «лампу», на «телеграф», и в голове крутилась мысль, которую он не мог остановить: если бы у них был хотя бы один нормальный инженер...

— Я сказал — сойдёт, — повторил Кронин, заметив, что посыльный не уходит. — Чего встал?

— Просто... впечатляет, — сказал Илья, кивнув на «самолёт». — Это что, летает?

— Пока нет. Но полетит, — Кронин подобрался, как кот перед прыжком. — Это вопрос подъёмной силы. Нам нужно больше вентиляторов и больше угля.

Не нужно вам больше вентиляторов, подумал Илья. Вам нужна аэродинамика. Вам нужен профиль крыла. Вам нужно понять, что подъёмная сила создаётся не «дутьём сзади», а разницей давления над и под крылом. Но он не мог этого сказать. Не имел права. И, честно говоря, не был уверен, что помнит детали — научпоп на «Ютубе» это одно, а реальный расчёт профиля крыла — совсем другое.

— Впечатляет, — повторил он и повернулся к выходу.

И тут случилось.

На верстаке у стены что-то грохнуло. Один из подмастерьев Кронина уронил тяжёлую деталь — шестерню размером с тарелку. Деталь покатила по полу, и Илья рефлекторно нагнулся, чтобы поднять. И, нагнувшись, рефлекторно — совершенно автоматически, как делал тысячу раз в день в прошлой жизни — поправил очки на переносице.

Которых не было.

Указательный и большой палец коснулись переносицы, сдвинули невидимую дужку вверх, и опустились. Жест длился полсекунды. Жест, который Илья совершал с четырнадцати лет, когда ему впервые прописали очки. Жест, от которого он не мог избавиться, хотя в этом теле зрение было идеальным.

Фантомный жест.

Пункт 7 памфлета.

Кронин не видел — он уже повернулся к верстаку. Подмастерья не видели — они подбирали шестерню. Но кое-кто видел.

Из-за «самолёта» вышла женщина.

Она была молода — лет двадцать пять — и выглядела так, словно её собрали из деталей Ордена: жёсткая, угловатая, с короткими тёмными волосами и руками, перепачканными машинным маслом. На ней был рабочий фартук поверх мужской рубахи, а на поясе — набор инструментов, каждый из которых выглядел как оружие. Глаза — серые, холодные, оценивающие.

Ульрика. Правая рука Кронина. Единственная женщина-инженер в Ордене.

Она стояла и смотрела на Илью. Не на его лицо — на его руку. На пальцы, которые только что поправили несуществующие очки.

Их глаза встретились. Ульрика не улыбнулась. Не нахмурилась. Она просто наклонила голову чуть набок — как собака, услышавшая незнакомый звук — и запомнила. Лицо, жест, контекст.

— Свет вам, — сказал Илья и вышел.

На улице он прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось так, что отдавало в зубы.

Фантомный жест. Он контролировал руку, которая тянулась к телефону. Контролировал рот, который хотел сказать «добрый день». Контролировал брови, которые хотели подняться при виде лошади. Но не контролировал очки. Привычку, настолько вросшую в тело, что она стала частью нервной системы.

Ульрика видела. И Ульрика — не булочница Агата. Агата стучит из жадности и скуки. Ульрика — из расчёта. Она не побежит в Карантинную службу. Она не заинтересована в полутора тысячах талеров. Ей нужен не арест. Ей нужен консультант.

И это, подумал Илья, может быть даже опаснее.

Глава 5. «Инспектор»

Инспектор прибыл на рассвете двенадцатого дня.

Илья узнал об этом от Гаврила, который ввалился в мастерскую с выражением лица, какое бывает у человека, увидевшего крысу в супе.

— Шварц приехал, — сказал Гаврил и сплюнул. — Квартальная проверка. Всем быть на площади к третьему удару колокола. Без исключений.

— Шварц?

— Инспектор Карантинной службы. Доминик Шварц. — Гаврил покосился на Илью. — Ты его не знаешь?

— Я же с юга...

— Ну да. С юга. — Гаврил помолчал. — Слушай, парень. Я тебе советов обычно не даю, потому что ты всё равно делаешь по-своему. Но сейчас скажу: на проверке молчи. Не выпендривайся. Не корчи из себя умного. И, ради всех Светочей, не молись водосточным трубам. Шварц — не Ефим. Его этим не проведёшь.

Площадь перед ратушей. Третий удар колокола. Жители квартала выстроились рядами — человек двести, от стариков до детей. Гаврил стоял рядом с Ильёй, сопя и вытирая лоб засаленным рукавом. Рита была в толпе — Илья заметил рыжие вихры в третьем ряду. Булочница Агата стояла впереди, с выражением предвкушения на широком лице. Стражник Ефим торчал у края площади, вытянувшись по стойке «смирно» и стараясь выглядеть значительным.

Шварц вышел из ратуши в сопровождении двух человек.

Первое впечатление — спокойствие. Не показное, не натужное, а настоящее, глубокое, какое бывает у людей, которые точно знают, кто они и что делают. Высокий, худой, с аккуратно подстриженной тёмной бородкой и серыми глазами, в которых не было ни злости, ни азарта — только внимание. Ровное, постоянное, всеохватное внимание. Он смотрел на толпу, как программист смотрит на код — не ища конкретную ошибку, а чувствуя, где что-то не так.

Одет он был лучше всех в городе — тонкое серое сукно, хорошие кожаные сапоги (Илья, как подмастерье кожевника, уже мог оценить качество), серебряная застёжка на плаще в виде закрытого глаза — символ Карантинной службы.

За ним шёл первый спутник — мужчина лет сорока, серый, как пыль, незаметный, как мебель. Идеально ровная спина, идеально ровный пробор, идеально ровное лицо без единого выражения. В руках — папка с бумагами, на поясе — чернильница. Клавдий. Секретарь. Ходячий архив.

Илья смотрел на Клавдия и видел не человека — видел систему. Бюрократическую машину в человеческой оболочке. Этот человек жил ради бумажек, печатей и правильно заполненных формуляров. Этот человек не спал — он «переходил в режим ожидания». Этот человек не ел — он «обрабатывал топливный ресурс». Для Клавдия неправильно оформленный документ был большим преступлением, чем убийство. Убийство — это статья 14, параграф 3, подпункт «б». А неправильно оформленный документ — это хаос. Хаос Клавдий ненавидел больше, чем смерть.

И если Шварц был хирургом, то вторая спутница была мясником.

Грета. Палач-дознаватель Цитадели Извлечения.

Она была огромна. Не толста — именно огромна, как несущая стена здания. Широченные плечи, руки, которые могли бы согнуть подкову (и, скорее всего, сгибали — для разминки), и лицо... лицо было самым страшным. Потому что лицо было добрым. Мягким. Материнским. Круглые щёки, ямочки, тёплые карие глаза, ласковая улыбка. Голос, когда она здоровалась со стражниками у ратуши, был тихий, бархатный, обволакивающий — голос женщины, которая печёт пироги и поёт колыбельные.

Илья посмотрел на неё и почувствовал, как по спине прошёл холод. Он знал этот тип. Не из жизни — из историй, документалок, книг. Человек, который ломает не через боль, а через доверие. Который сначала кормит, поит, укутывает одеялом, а потом, когда ты расслабился, когда ты поверил, что всё будет хорошо — начинает задавать вопросы. И ты отвечаешь. Не потому что больно. А потому что она такая добрая, такая тёплая, такая понимающая, и тебе так хочется, чтобы она продолжала улыбаться...

Шварц поднялся на ступени ратуши. Толпа затихла.

— Свет вам, добрые жители Нов-Велеса, — сказал он негромко, и его голос каким-то образом был слышен до последнего ряда. — Квартальная проверка. Процедура стандартная, не займёт много времени. Прошу подходить по одному, когда назовут имя.

Клавдий начал зачитывать имена. Люди подходили к столу, за которым сидели Шварц, Клавдий и Грета. Три теста. Каждый — минуты три-четыре. Конвейер.

Илья стоял и смотрел, запоминая.

Тест первый — реакция. Шварц доставал из ящика предметы и показывал проверяемому: зеркало, компас, подозрную трубу, увеличительное стекло. Несложные технологии, которые существовали и в этом мире, — но попаданец мог выдать себя микрореакцией. Снисходительная улыбка («примитив»). Взгляд, оценивающий конструкцию («это можно улучшить»). Скука («видел и получше»). Местный житель реагировал иначе: уважение, интерес, иногда страх.

Тест второй — языковые ловушки. Шварц вёл непринуждённый разговор — о погоде, о ценах, о видах на урожай — и вплетал в речь слова-маркеры. «Знаете, мой друг, пластик — красивое имя для дочки, не правда ли?» Местный не вздрогнет — для него «пластик» это просто набор звуков. Попаданец — вздрогнет, пусть на долю секунды. «Я слышал, в южных землях делают чудесный антибиотик — так называют особый сорт сыра». Попаданец знает, что антибиотик — не сыр. И его лицо на мгновение выдаст это знание.

Тест третий — знания. Простые вопросы по местной истории, религии, географии. Кто победил в битве при Красной Топи? Назовите трёх Канцлеров Объединения. Какой Светоч покровительствует кузнецам? Попаданец, если не подготовился, завалится здесь.

Илья стоял в очереди и чувствовал, как пот стекает по рёбрам. Он знал ответ на первый тест — он репетировал реакцию благоговения перед любым предметом сложнее ложки. Он знал, как пройти второй — истерика фанатика Гнилого Корня на любое подозрительное слово. Но третий... Битва при Красной Топи. Канцлеры Объединения. Покровитель кузнецов. Он не знал. Он не успел выучить. Газетный листок не давал достаточно информации, а спрашивать было опасно — зачем взрослому человеку задавать вопросы из школьной программы?

— Илья, подмастерье кожевника Гаврила! — прочитал Клавдий.

Ноги стали ватными. Илья подошёл к столу. Шварц поднял на него серые глаза. Грета улыбнулась — тепло, по-матерински.

— Свет вам, и да пребудет тень, — сказал Илья. Голос не дрогнул. Маленькая победа.

— И вам свет, — кивнул Шварц. — Присаживайтесь.

Тест первый. Шварц достал зеркало — маленькое, в медной оправе.

— Знаете, что это?

Илья уставился на зеркало с выражением почтительного изумления, которое репетировал перед лужей у колодца.

— Светильник Истины, — сказал он, вспомнив, как называли зеркала сектанты Гнилого Корня. — Показывает лик, данный Корнем.

Шварц чуть приподнял бровь. Грета издала тихий смешок.

— Вы из адептов Гнилого Корня? — спросил Шварц.

— Корень гниёт, но дух его крепок, — с достоинством ответил Илья.

— Ясно. — Шварц убрал зеркало, достал компас. — А это?

Илья покосился на стрелку, которая указывала на север, и заставил себя не думать о магнитных полях.

— Не ведаю, — сказал он. — Стрелка в коробочке? Игрушка?

— Хорошо. — Шварц убрал компас.

Тест второй. Разговор.

— Откуда вы, Илья?

— Из Жёлтых провинций. Деревня Сухой Лог.

— Далеко. Как добирались?

— С торговым обозом. Три десятицы.

— Долгий путь. Наверное, скучали по дому?

— Корень везде один, — сказал Илья. — Где Корень — там дом.

— Конечно. — Шварц помолчал. — Знаете, Илья, я недавно был в южных землях. Там мне показали интересную вещь. Называется «антибиотик». Слышали о таком?

Удар. Слово «антибиотик» вошло в мозг, как раскалённый гвоздь. Пенициллин. Флеминг. Плесень. Грибок. Лечение инфекций. Спасение миллионов жизней.

Лицо. Держи лицо.

— Анти... — Илья скривился, как от зубной боли, и начал раскачиваться. — Нет. Нет-нет-нет. Слово из чёрной книги. Порча. Скверна.

Шварц наблюдал. Грета наблюдала. Клавдий записывал.

— Это просто название южного сыра, — мягко сказал Шварц. — Ничего страшного.

— Не хочу знать! — Илья прижал ладони к ушам. — Корень гниёт, но дух его крепок! Корень гниёт, но дух его крепок!

Пауза. Шварц смотрел на него долго — секунд десять, которые тянулись, как часы. Потом кивнул.

— Третий тест. Простые вопросы. Кто победил в битве при Красной Топи?

Тишина.

Илья не знал. Не выучил. Не успел. Все отговорки мира не помогут, если он сейчас не ответит на вопрос, который знает каждый ребёнок в этой стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.